

В. ОКЕАНСКИЙ. Возвращение (опыт становления киносценария)

*Фильм о детстве Андрея Арсеньевича Тарковского задуман как киноэссе. В основу положена лирико-философская медитация «почти» от первого лица. Речь идёт не о сугубо биографически истолкованном детстве, но, скорее, о метафизике детства в судьбе художника, имеющей конкретные земные очертания и всегда уникальный человеческий путь... Вместе с тем в этой преданности просвечивают архетипические смыслы: зов родины и потерянный рай, семейный очаг и человеческая бездомность, гроб и колыбель, искупительное страдание и таинство творчества, взаимодействие пространства и времени, смерти и бесконечности, души и окружающего мира. Возвращение длится всю жизнь, но не имеет возврата своим результатом во времени. Оно осуществляется **между** «да» и «нет», по ту сторону невозможного, в недрах вечности, «сквозь щелочки между секунд»...*

Композиционно фильм должен строиться на экзистенциальном скачке от непостижимой космической запредельности в топологический локус г. Юрьевца и его живописных окрестностей; это доминантное пространство сюжетно разворачивается в двойной четверице суточного (ночь, утро, день, вечер) и годовичного (лето, осень, зима, весна) круга. Фабула кинофильма выстроена на имеющихся документальных и художественных материалах (записи, лекции, автобиография, последнее интервью Андрея Тарковского, дневники и письма семьи Тарковских, размышления Леонардо да Винчи, музыка Баха, Чюрлениса, Леры Авербах...), на основе использования которых реконструируется ведущая тонально-смысловая линия, равно как и медитативная метафизическая атмосфера этого замысла.

Автор сценария выражает глубокую благодарность за приглашение к работе – директору музея ИвГУ Елене Михайловне Смирновой; за предоставленные материалы и творческое общение — главному режиссеру ивановской телекомпании «Барс» Владиславу Анатольевичу Сухорукову и сестре Андрея Арсеньевича, Марине Арсеньевне Тарковской.

Перед зрителем — чистый белый холст киноэкрана. Гаснет свет. Фильм начинается крошечной тьмою, мраком, фрагментом «Черного квадрата» К. Малевича, в глубине которого после появления слова ВОЗВРАЩЕНИЕ начинают медленно проступать звезды (с самого начала звучит музыка, сопровождающая рождение мира), появляются туманности, галактические скопления, светила... Одна голубая точка укрупняется... Панорама земли из космоса (допустим, с околоземной орбиты, нечто вроде «Соляриса»...). Камера медленно снижается: возникают контуры Волги... Укрупнение географического масштаба: речная излучина, поворот Волги в районе Юрьевца... Камера летит как чайка по течению воды (с запада — на восток), приближается к повороту... Город с неба (с высоты птичьего полета) крупным планом, на рассвете, восход солнца... Камера медленно скользит над утренними улицами, сонными водами,

садами, крышами, берегами реки... Уходит в весенние поля и луга... Плеск воды, шум ветра, шелест трав... Может быть, гроза. Вечер. Закат. Ночь.

Деревенский дом. Женщина качает колыбель...
(Арсений Тарковский, «Колыбель»:)

Она:

*Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредёшь — не добредёшь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даёшь?
Кто тебя ещё услышит?
Что тебе делить со мной?
Он, как белый голубь, дышит
В колыбели лубяной.*

Он:

*Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть
из криницы глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиться.*

Она:

*Где криница — там водица,
А криница на пути.
Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.
Вот он веки опускает,
И вечерний млечный хмель
Обвивает, оmyвает
И качает колыбель.*

Он:

*Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня что хочешь -
Свет вечерний, ковш кленовый, траву подорожник...*

(Андрей Тарковский:)

«Моё детство я помню очень хорошо, очень хорошо я помню свое детство, потому что для меня это самый главный период что-ли в моей жизни. Самый главный, потому что он потом определил все мои впечатления, которые уже сформировались в позднее, зрелое время, гораздо позднее, когда я уже стал взрослым».

(Арсений Тарковский, «Юрьевец»:)

Вот Юрьевец, Юрьевец, город какой -
Посмотришь в бинокль на него с высоты -
У самой воды, под самой горой
В две улицы тянется на три версты.
В бинокль поглядеть бы с другой стороны:
Вот лодочка-пристань под флагом стоит,
Бежит пароход из восточной страны
И пленницу-барышню в трюме таит.
Чем спать да гадать юрьевецкой судьбе,
Погнать бы кораблик на серый песок,
А барышню вывести наверх к тебе -
В бинокль поглядеть на чужой городок.

*Сказала бы кукла, какую судьбой
За домиком домик стоит бугорком:
У сонной горы над синей водой
Она здесь гуляла в саду городском.*

(Андрей Тарковский:)

«Я родился 4 апреля 1932 года на Волге в г. Юрьевце Ивановской области. Отец мой — Тарковский Арсений Александрович, поэт, переводчик, член Союза Советских писателей. Инвалид Отечественной войны, орденносец. Мать — Вишнякова Мария Ивановна, сейчас работает корректором в типографии им. Жданова.

В 1939 году я поступил в 554 школу Москворецкого района г.Москвы. Во время войны мать увезла нас с сестрой на Волгу (в эвакуацию), в места, где я родился. Там, в г. Юрьевце, я окончил начальную школу № 1..».

«Милый папа!

У нас всё хорошо. Мама собирается за Волгу за клюквой, а когда нас распустят на каникулы мы поедem туда в деревню. Мама будет работать в колхозе, а если и меня примут и я буду работать. Ты просил меня заниматься по-французски и я занимаюсь на рояле. Я с Маринкой больше не дерусь. Папа приезжай скорее с войны. Мне, маме и Маринке очень хочется в Москву. Маринка шьет пупсику одежду. Целую крепко, крепко твой А.Т».

«Милый папа!

У нас сейчас май, а снегу намело много, он наверно скоро растает. Когда у нас остаются крошки и ржаная каша, то мы кладем их на раму снаружи и воробьи которые живут над окном прилетают крошки есть даже садятся на открытую форточку. Мама просит написать, что аттестат пришел деньги дадут после 20-го. Целую крепко-крепко. Твой Андрей. Сейчас прилетал воробей и ел кашу и унес в гнездо кусок».

«...В 1943 году мы вернулись в Москву... занимался музыкой... учился живописи... После окончания школы в 1951 году я поступил в институт Востоковедения, где проучился полтора года... Год я работал в экспедиции, в тайге прошел пешком сотни километров... Сейчас мною овладела мечта стать хорошим режиссёром Советского кино».

Здесь далее возможны фрагменты из его фильмов (упор на акустику: шум падающей воды и т.п.)

(Андрей Тарковский, из лекций)

«Иногда изображение следует за звуком и играет второстепенную роль, а не наоборот. Звук — это нечто большее, чем только иллюстрация происходящего на экране».

Грохот проходящего за лесом поезда... Дрожит кринка с молоком на полке в сенях, падает на пол: молоко разливается, течет по ступенькам...

Крупным планом: кузнечик — в траве...

Смена изобразительного плана: мелькают фрагменты Юрьевца, колыбель, стадо коров в лугах, берег реки, чайки над Волгой в свете догорающего заката... Женщина плывет через ночную реку. Тают огни покинутого города в тумане... На темный берег ночной реки выходит из воды маленькая девочка...

(Михаил Тарковский, «Я чувствую в крови...».)

Тебе, моя Любовь, тебе, чье имя всеу

И я произнесу, когда отговорят

В счет будущих стихов о Кинешме и Шуе

Дарованные мне так много лет назад

Полночный небосвод, свирепый от мороза,

Холодных поездов затертые скамьи,

Съезжающий стакан и топот паровоза,

Тревожный, как тоска по прошлому семьи,

По лучшей из держав Земли... А я подолгу

Скитался, одинок, у тех ее границ,

Где бабушка на спор переплывает Волгу

Под грохот надвигающихся плит.

(Арсений Тарковский, «Мой город в ранах...».)

*Мой город в ранах, от которых можно
Смежить в полете крылья и упасть,
Почувствовав, насколько непреложна
Видений ранних женственная власть.
Не странно ли, что ты, мой ангел падший,
Хранитель нежный, искуситель мой,
Передо мной стоишь, как брат мой младший,
Без серебристых крыльев за спиной
Вдали от тополей пирамидальных
Не за моим, а за чужим окном,
Под пеленой дождей твоих прощальных,
Стоишь и просишь, но о чем? О чем?
Осенний дождь размывает проселочную дорогу...*

(Андрей Тарковский:)

«Когда мама умерла, я почувствовал себя очень одиноким, я может быть впервые почувствовал, что она была самым близким человеком в моей жизни для меня. Хотя мы жили разобщенно и отдаленно друг от друга. Я плакал последний раз, когда умерла моя мама».

(Из дневников Марии Ивановны Тарковской, весна 1932 года:)

«Погода стоит очень хорошая, на небе луна ясная, больше одной четверти. Барометр стоит очень высоко. Шумят речки. ... Погода дивная, все тает, ручьи журчат, всюду скворцы... ... Всю ночь шел дождь. Сейчас юго-восточный ветер, очень тепло и пасмурно. Несколько дней идет Волга... ... Сегодня вечером нарвали черемухи — за кузницей... ... 8 мая, 8 часов утра... Погода чудесная, звонят к обедне, на балконе солнышко и птички. Насыпала хлебушка Дрилкиным воробьям... ... Ходили в елочки, за церковь, а потом спустились на Попов луг... Ходили на Немду. Он лежал у меня на трех поленьях, в конверте, а я купалась. Рожь за церковь в мой рост, трава до колен. Цветов так много, что вся гора пестрая. Есть уже ночные фиалки!.. Окукливаются гусеницы..».

(Марина Арсеньевна Тарковская:)

«Была мама — это тоже целый мир, надежный, любимый, но повседневный, привычный, со множеством требований и запретов. Мир, от которого Андрей, самоутверждаясь, отталкивался в детстве, а став взрослым, уже не смог в него вернуться.

Мы помнили самое страшное. Ранняя весна 1942 года. На Волге ледоход. Солнце, резкий ветер. Весь городок Юрьеvec, куда мы эвакуировались, высыпал на берег ловить плывущие по реке бревна — надо было как-то отапливаться. Мама прыгает по льдинам, достает бревна, мы с берега помогаем

их вытаскивать. И вдруг на наших глазах она проваливается под лед, на какое-то мгновение исчезает среди громоздившихся друг на друга льдин и ледовой каши..».

(Андрей Тарковский:)

«Это была удивительная, святая женщина и совершенно не приспособленная к жизни. ... ..мы ходили буквально босиком. Летом вообще не носили обуви, у нас ее не было. Зимой я носил валенки моей матери. В общем, бедность — это не то слово. Нищета! И если бы не мать... Я просто всем обязан матери. Она на меня оказала очень сильное влияние. Влияние даже не то слово. Весь мир для меня связан с матерью. Я даже не очень хорошо это понимал, пока она была жива. И только когда мать умерла, я вдруг ясно это осознал».

(Из писем Марии Ивановны мужу на фронт:)

«22 / 1 43 г. Милый Ася! Сегодня отправила тебе письмо с Андреевыми рисунками... /показать рисунки на экране!/ ... У меня что-то ноет и пощипывает сердце, то ли от нервов, то ли от летних корзин с ягодами. Таскали ведь пуды за 20-40 км. Сейчас страшно вспомнить. Послезавтра пойду в свою библиотеку за книгой для вечернего чтения, у нас с этими греками так хорошо... А. часто читает вслух (а как не любил!)... Не знаю что и искать: м. б. о первобытных людях. Не знаю..».

«27 / 2 Асенька! Ждем от тебя писем, очень беспокоюсь не о том, что у тебя ч. ниб. Случилось, а о тебе вообще, о стихах, о твоём состоянии. Пиши. У нас тает..».

(Из воспоминаний Марины Арсеньевны Тарковской, июль 1998 г.:)

«...ощущение необыкновенности нашей семьи: мы не могли не понимать, что мы какие-то особые... Отец — существо почти божественное: горячо любим, но малодостигаем... Мы испытывали гордость за отца: необыкновенный человек! Мать внушала любовь к отцу и она была необыкновенным человеком... Хотя мы росли полуголодными... Детство его, Андрея, не отпускало всю жизнь..».

(Отрывок из письма Марии Ивановны мужу на фронт, 16. 02. 43 г.:)

«...У нас почти неделю уже дикая метель. Ветер дует вдоль Юрьевца во всю бесконечную его длину с нижнего конца в верхний и снег валит с ног. В трубе воеет... Мама поплелась к Аннушке на именины (приглашена на пирог!). Хорошо быть одной и отвечать только за себя, ужасно видеть свое бессилие, свою ничтожную весомость в мировом водовороте. Природа великая обманщица, ей нужны экспонаты для опытов, для развития своей малопонятной нам системы. Она заставляет любить, рожать, страдать за рожденных и оберегать их жизнь, право которой распоряжаться остается за ней. Я подолгу не

сплю ночами, и лежу, лежу в лунной мути и все думаю, и хочется бежать по метели и сугробам и найти тебя и сказать это все тебе, самому близкому мне человеку, несмотря на всю шушера, которая засорила нашу жизнь. Вдумайся и пойми, какая все это шушера.

Прости, Асик! Будь здоров и не сердись».

(Андрей Тарковский:)

«Я лично полагаю, точнее, убежден, что трагедия Гамлета, главная болевая точка этой трагедии, кроется для меня в необходимости для человека, стоящего на более высоком духовном уровне, погрузиться в мелкое болото серости, обыденной пошлости, мелких страстишек и властолюбивых амбиций, правящих в этом мире всецело и безнаказанно. Это трагедия человека, точно уже преодолевшего элементарное земное притяжение, но неожиданно вынужденного вновь с ним считаться, подчиниться его законам, точно вернуться к своему собственному прошлому, пошлomu и унижительному.

Трагедия Гамлета состоит для меня не в обреченности его на гибель физическую, а в падении нравственном и духовном, в необходимости, прежде чем совершить убийство, принять законы этого мира, действовать по его правилам, то есть отказаться от своих духовных притязаний и стать обыкновенным убийцей. Вот где смысл драмы! Трагедия!.. Либо выполнить свой как будто бы человеческий долг, навязанный ему обществом, но, по существу, потерять себя в нравственном отношении, либо вовсе не смириться с этим миром, уйти из него по собственной воле, то есть покончить с собой... Но как быть тогда с Богом?..

В каком-то смысле нечто подобное переживает каждый человек, поставленный реальностью перед проблемой выбора. Поэтому когда вы спрашиваете меня, были ли в моей жизни компромиссы, предавал ли я себя когда-нибудь в своей работе, то, наверное, мои друзья, не слишком глубоко задумываясь о моей судьбе, ответили бы вам — нет. А я полагаю, напротив, что, увы, вся моя жизнь состоит из компромиссов..».

«...у Шекспира речь идёт о жизни и смерти, о том, что надо остаться **человеком!** Но как им остаться? Вот в чём вопрос! Вот убили отца, потом убьют и мать, а в это время я, Гамлет, учился бы себе, занимался бы философией, а сюда заехал ненадолго, и вообще хотелось бы не иметь к вам никакого отношения — ведь я **интеллигент**. Но отца-то всё-таки убили, и все, что происходит вокруг, чудовищно... Что же остаётся? Выхода для порядочного человека нет. Но и оправдания нет! Гамлет прекрасно понимает и то и другое. Но ощущает себя вынужденным принять вину, то есть, по существу, умертвив прежде всего самого себя, и других перерезать физически..».

«Чем старше я становлюсь, тем таинственнее для меня человек. Он словно ускользает от моих наблюдений. Это значит, моя система оценок рухнула, и я теряю способность судить о нем. С одной стороны, хорошо, когда система

оценок разрушается, но хорошо ли, когда разрушаются все системы? Упаси меня Бог потерять все!»

«Всё так устроено, чтобы наше знание было неполным, чтобы не осквернить бесконечность, чтобы оставить надежду, ибо счастье заключается в незнании. Незнание — благородно, знание — вульгарно».

«Связать человеческое с космосом невысказано. Ввиду... законов бесконечности, которые лежат за пределом достижимого, Бог не может не существовать. Для человека, не способного ощутить суть запредельного — неизвестное, непознаваемое — Бог. В нравственном же смысле Бог — любовь. Нравственность — внутри человека. Мораль — вне и выдумана как замена нравственности. Там, где нет нравственности, царит мораль — нищая и ничтожная».

«Общность — видимость, в результате которой рано или поздно по материкам встанут злобные смертоносные облака в виде грибов».

«...мы калеки в результате страшной болезни, имя которой бездуховность, но болезнь эта смертельна. Человечество сделало все, чтобы себя уничтожить».

«Спасись всем можно только спасаясь в одиночку... Спасти всех можно только спасая себя. В духовном смысле, конечно».

«Сегодня я видел ужасный, печальный сон. Я опять увидел озеро на севере. Как мне кажется, где-то в России. Рассвет. На другом берегу — два русских православных монастыря и церкви необычайной красоты. И мне было так тоскливо, так печально на душе».

Мальчик в лодке пытается плыть против течения реки, но река сносит его...

(Андрей Тарковский:)

«Неужели судьба людей — лишь цикл бесконечного процесса, смысл которого они не в силах понять? Страшно подумать».

«...надо снимать «Белый день»... Можно сделать прекрасную картину. Это будет тот самый случай, когда она целиком будет построена на собственном опыте. И я уверен — станет важной в связи с этим и для зрителя».

«Интересно, заработаю я когда-нибудь столько, чтобы расплатиться с долгами и купить самое необходимое — диван, кое-какую мебель, пишущую машинку, книги, которые я хочу иметь у себя на полке? Потом надо ремонт делать в деревне...».

«Очень давно не видел отца. Чем больше я его не вижу, тем становится тоскливее и страшнее идти к нему... Какие-то мучительные, сложные, невысказанные отношения. Как-то не просто все... Может быть, написать письмо? Но письмо ничего не решит. Мы встретимся после него и оба будем делать вид, что никакого письма не существует. Достоевщина какая-то, долгоруковщина... Мне гораздо легче общаться с совершенно чужими людьми почему-то...».

(Арсений Тарковский, «Перед листопадом»:)

*Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась самая малость
Шороха осени в доме моем.
Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И задропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.
Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.
Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном — на что ей
Память моя? Что ей память моя?*

(Андрей Тарковский:)

«Как я боюсь похорон! Даже когда мы хоронили бабушку, жутко было. И не потому, что она умерла, а от того, что кругом были люди, которые выражают чувства. Даже искренние. Это выше моих сил — когда близкие мои выражают чувства. Я помню, мы стояли с отцом у церкви, дожидаясь возможности увезти гроб с бабушкой (ее отпевали и хоронили в разных местах), отец сказал (не важно, по какому поводу): «Добро пассивно. А зло активно». Когда отпевали бабушку, в числе других покойных (кажется, их было около восьми-семи), в церкви на Даниловском кладбище, я стоял в головах гроба, недалеко от Марины и матери. Марина часто принималась плакать. Священник записал имена покойных и отпевание началось. Когда священник по ходу службы называл по именам всех покойников, мне показалось, что он забыл упомянуть, пропустил Веру (это имя бабушки). Я так испугался, что стал пробираться в сторону священника с тем, чтобы напомнить ему имя бабушки. Мне казалось, что если я этого не сделаю, с бабушкой случится что-то ужасное. Она знала перед смертью, что её будут отпевать. И сейчас она лежала, веря, что ее отпевают, а священник по забывчивости пропустил ее имя. А она лежала мертвая, а я знал, что она тоже страшно бы перепугалась, если бы могла чувствовать и понять, что во время отпевания забыли ее имя. Я уже был рядом со священником, который во второй раз стал называть покойных по именам, когда услышал:

— Веру... Значит, мне только показалось. Ну как я испугался!»

«Я... ужасно люблю и мать, и отца, и свою сестру, и своего сына. Но на меня находит столбняк, и я не могу выразить своих чувств. Любовь у меня

какая-то недеятельная. Я хочу только, наверное, чтобы меня оставили в покое, даже забыли. Я не хочу рассчитывать на их любовь, и ничего от них не требую, кроме свободы. А свободы-то и нет, и не будет».

«Религию, философию искусство — эти три столпа, на которых удерживался мир — человек изобрел для того, чтобы символически материализовать идею бесконечности, противопоставить ей символ возможного ее постижения (что, конечно, невозможно буквально)... Человек понял, что стоит перед лицом бесконечности».

«Никто не знает, что такое красота. Мысль, которую люди вырабатывают у себя о красоте, сама идея красоты, изменяется в ходе истории вместе с философскими претензиями и просто с развитием человека в течение его собственной жизни. Это заставляет меня думать, что на самом деле красота есть символ чего-то другого».

«Было время, когда я мог назвать людей, влиявших на меня, бывших моими учителями, но теперь в моем сознании сохраняются лишь персонажи наполовину святые, наполовину безумцы. Эти персонажи может быть слегка одержимы, но не дьяволом — это, как бы сказать, Божьи безумцы. Среди живущих я назову Робера Брессона, среди усопших Льва Толстого, Баха, Леонардо да Винчи; в конце концов, все они были безумцами, потому что они абсолютно ничего не искали в своей голове».

«Подлинный художественный образ обладает не рациональным толкованием, а чувственными характеристиками, не поддающимися однозначной расшифровке. Вот почему внелогичные, музыкальные законы построения материала куда точнее и художественнее, чем пресловутый здравый смысл».

«Есть только один вид путешествия, которое возможно, — в наш внутренний мир. Путешествуя по всему свету, мы не очень-то многому учимся. Не уверен, что путешествие всегда оканчивается возвращением. Человек никогда не может вернуться к исходному пункту, так как за это время изменился. И разумеется, нельзя убежать от себя самого: это то, что мы несем в себе — наше духовное жилище, как черепаха панцирь. Путешествие по всему миру — это только символическое путешествие. И куда бы ты ни попал, ты продолжаешь искать свою душу».

(Последняя запись в дневнике, 15 декабря 1986 г.:)

««Гамлет». Весь день в постели, не поднимаясь. Боли в нижней части живота, спине. Нервы тоже. Не могу пошевелить ногами. Какие-то узлы. Я очень слаб. Неужели умру? А Гамлет? Но сейчас уже больше нет сил на что-либо. Вот в чем вопрос..».

(Леонардо да Винчи:)

«Речная вода, которую ты осязаешь рукой, является последней, которая уже утекает, и первой, которая только примчалась; то же происходит и с мгновениями времени».

«...мне приходит на память, как очень раннее воспоминание, что когда я еще лежал в колыбели, слетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и несколько раз этим хвостом ударил меня по губам».

«Смотри: некто надеется и жаждет вернуться к своим истокам, на свою родину — он как мотылек, который летит на свет. Человек всегда испытывает влечение с веселым любопытством встретить новую весну, новое лето и вообще много новых месяцев и годов, — но даже если время, по которому он так тоскует, когда-нибудь наступит, ему всегда будет казаться, что уже слишком поздно: он и не заметил, что его влечение содержит внутри себя зародыш его собственной смерти. Однако это влечение — квинтэссенция, дух всех элементов, который через душу проникает в человеческое тело и постоянно жаждет вернуться к своим истокам. Ты должен знать, что эта самая тоска — квинтэссенция жизни, служанка Природы и что человек — это слепок мира».

(Арсений Тарковский, «Плыл вниз от Юрьевца...»):

*Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный,
И в легком облаке был виден город дальний,
Дома и пристани в дыму береговом,
И церковь белая на берегу крутом.
Но сколько б из реки чужой воды я не пил,
У самых глаз моих висит алмазный пепел,
Какая б на глаза не оседала мгла,
Но в городе моем молчат колокола
Освобожденные... И было в них дыханье,
И сизых голубей глухое воркованье,
Предчувствие мое; и жили в них, шурша,
Как стебли тонкие сухого камыша,
Те иглы звонкие, смятенье в каждом слове,
Плеск голубиных крыл, и юный шелест крови
Испуганной... В траве на кладбище глухом,
С крестом без надписи, есть в городе моем
Могила тихая. — А все-таки он дышит,
А всё-таки и там он шорох ветра слышит
И бронзы долгий гул в своей земле родной.
Незастылаемы летучей пеленой,
Открыты глубине глаза его слепые
Глядят перед собой в провалы голубые.*

Камера движется от Юрьевца вниз по Волге (с севера — на юг), медленно поднимаясь вверх: высота птичьего полета (контуры Волги); высота самолета (маревое уходящей земли); высота околоземной орбиты (земля из космоса; здесь возможна контаминация с кадрами из «Соляриса»)… Земной шар постепенно удаляется, сливаясь с прочей звездной пылью, погружаясь в галактические туманности, в жерло Вселенной…

Обнажается неисследимая глубина бездонности. Светлые точки на экране начинают потухать, погружаясь во мрак, в черную пучину Непостижимого. Внезапно после мгновенного появления слова ВОЗВРАЩЕНИЕ вспыхивает свет. Перед зрителем — чистый белый холст киноэкрана.

*Семеновское-Москва-Углич-Юрьевец-Иваново
Лето 1998-Лето 2000-Весна 2002*

ПРИМЕЧАНИЕ: в использованных цитатах из писем А. Тарковского сохранена авторская пунктуация.